

Владимир Сергеев

Возмездие

Владимир Сергеев

Возмездие

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40651423
ISBN 9785449629647*

Аннотация

В этом мире карибский кризис не закончился мирно. Когда советские ракеты возвращались с Кубы домой, США нанесли ракетно-ядерный удар по территории Союза. Но русские не сдаются.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Возмездие

Владимир Сергеев

© Владимир Сергеев, 2019

ISBN 978-5-4496-2964-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Очнулся я в темноте, сознание возвращалось медленно. Голова болела ужасно. Я уже начал привыкать к головной боли, она всё реже и реже покидает меня, – с горечью подумал я. Меня, что опять похитили? Я пошевелился, наручников не было, вообще мои движения ничто не сковывало. Наверное, в этот раз меня просто хорошо заперли, чтобы не сбежал. Цветные звёздочки перед глазами исчезли, и я попробовал сесть. Получилось с первого раза и вполне удачно, спиной я опёрся на бетонную стену, которую нащупал рукой. Странное помещение. Довольно большое, темнота чуть отступила, или глаза мои адаптировались, но боковых стен я разглядеть не мог. Пол, похоже, земляной, поковыряв пальцем, решил я. Какой-то подвал. Я прислушался к своему организму, кроме головы ничего не болело, по левой руке бегали мурашки, скорей всего отлежал. Под мышкой, что-то давило.

Стоп!!! Они, что даже пистолет у меня не забрали!!! Я вытащил из кобуры свой «Макаров», ничего себе похитители. Нет, что-то здесь не то, никогда бы они так не прокололись. Я вытащил обойму, патроны были на месте, ничего не понимаю. Тем временем темнота в подвале понемногу отступала, и я наконец смог разглядеть вдалеке, что-то похожее на стены и пролом в потолке откуда по помещению распространял-

ся свет. Если это был подвал, то явно запущенный, повсюду валялись бетонные обломки и прочий строительный мусор. Я понемногу поднялся на ноги, не отходя от стенки, к горлу подкатил комок, голова кружилась. Опять мозги стряхнули, гады, больше вроде ничего не болело. Пойду к свету, решил я, и понемногу начал передвигаться по заваленному полу, выбирая, куда поставить ногу. Пистолет я крепко держал в руке и даже снял с предохранителя. Не знаю, почему они меня не обыскали, но ничего хорошего от похитителей я не ждал. В потолке действительно был пролом, под которым валялись обломки бетона, образуя подобие лестницы. Здесь уже было совсем светло. Окинув взглядом груды обломков, я понял, что могу по ним подняться наверх. Странно, а где двери, запоры, или они решили посмеяться надо мной, и спокойно сидят, наверху ожидая меня. Я шутить не собирался, и крепко сжав пистолет, начал карабкаться наверх, стараясь при этом не шуметь.

Осторожно высунув голову над обломками бетона, я огляделся, вокруг никого не было. Не теряя бдительности, и каждую минуту ожидая появления своих врагов, я вылез из подвала и вновь оглядел окрестности. Картина мне не понравилась, даже очень. Кругом насколько я мог разглядеть виднелись какие-то развалины, среди которых пробивалась зелёная растительность. Что за ерунда, когда меня в подъезде отоварил лжеэлектрик, на улице стояла зима, а здесь зелёные листья да ещё какие, местами прямо лианы. И что за разва-

лины вокруг, куда они меня увезли, и почему бросили? Надо подняться повыше и оглядеться, решил я и стал двигаться к трёхэтажным развалинам, увиденным неподалёку. Зелёные кусты на своём пути я инстинктивно старался обходить, во-первых я не мог определить их вид и название, во-вторых в них могла прятаться засада.

Вблизи развалины выглядели ещё хуже, чем издали. Им явно было несколько лет, в трещинах уже проросла буйная зелень. Козырёк над подъездом держался, только на ржавой погнутой арматуре, дверь валялась, но полу, покрытая толстым слоем пыли. Быстро проскочив под опасным козырьком и пройдя прямо по двери, я остановился перед лестничным пролётом, оценивая его надёжность. На первый взгляд он выглядел ещё вполне надежным, и я осторожно стал подниматься. Поднявшись на третий этаж, я понял, что остальные этажи этого дома просто снесло какой-то неведомой силой и их обломки лежали, рядом образуя что-то вроде насыпи, на которой уже обильно росли кусты и небольшие деревья. Осторожно ступая, я подошёл ближе к краю и огляделся.

Вокруг до самого горизонта, простирались развалины какого-то города, обильно покрытые зеленью, даже на «моём» доме в противоположном углу из пролома в перекрытии пробивался ствол дерева неизвестной породы. Катаклизм случился с этим местом явно много лет назад. Значит это не та реальность, где меня стукнули по голове в подъезде. У нас такого разрушенного мегаполиса точно не было во всём ми-

ре, уж я бы знал. Я присел на бетонный обломок. Головная боль слегка отступила, над развалинами вставал диск солнца, в кустах защebetали птицы. Значит там восток, а меня опять закинуло в новую реальность, – грустно подумал я. Видимо удар по голове, активировал определённую часть моего мозга, про которую говорил «Ильич», и вот, я сижу, и смотрю на восход солнца над разрушенным городом. А если здесь весь мир такой, и я теперь буду единственным жителем. Ладно, солнце взошло, сидеть здесь нет смысла, надо куда-то выдвигаться из этого города, попробовать найти людей. Только вот куда? Я встал на обломок, на котором сидел и вновь огляделся по сторонам.

Далеко на юго-западе вроде бы виднелись боле менее целые здания, вот туда и пойду, особой разницы для меня всё равно нет. Наметив ориентиры, я осторожно начал спускаться. Идти было очень трудно, бывшие улицы были сильно завалены обломками зданий. Кое-где виднелись остовы проржавевших автомобилей. Иногда улица была настолько завалена, что приходилось обходить по дворам, делая приличный крюк. Солнце медленно поднималось над развалинами, становилось значительно жарче, уже градусов двадцать пять, не меньше. Я остановился и вытер пот со лба, надо раздеваться, а то в своей теплой куртке я далеко не уйду. Шапка видимо осталась в той реальности, слетев от удара, зато сам удар по голове значительно смягчила.

Хотел бы я посмотреть на выражение лица того «электри-

ка», когда вместо меня осталась на лестнице только шапка, а моё тело куда-то испарилось. Хотя, как происходит перемещение между мирами, я не знал, так как уже второй раз пересекал их в бессознательном состоянии. Что же делать с курткой, здесь она мне явно не нужна, температура стремительно поднималась, а выбросить жалко. А впрочем, о чём жалеть, я завернул в куртку все лишние вещи, оставшись в брюках и рубашке, ещё на голову шарф намотал взамен шапки, от солнца. Свёрток сунул под обломок плиты и двинулся дальше.

Огибая через двор очередной непроходимый завал, я услышал сзади чьё-то дыхание. Твою мать, обернувшись на звук, я увидел приближающуюся ко мне неизвестную тварь. По виду она напоминала очень большую собаку, совершенно без шерсти, зубы, не помещаясь в пасти, вылезли наружу, верхние клыки были длиной с небольшие ножи. Но самое интересное у неё не было глаз, совсем, на их месте сплошная гладкая шкура. Шкура, кстати, на вид выглядела очень толстой и прочной. Тварь, усиленно нюхая воздух, неуклонно приближалась. Видимо как-то почувствовав, что я остановился, она тоже остановилась, расставив передние лапы и басовито зарычала. Хвост её, тоже совершенно лысый, ожесточённо хлестал по бокам. Затем она медленно двинулась ко мне, не переставая рычать и ещё больше обнажив клыки.

Я быстро выхватил из кобуры пистолет, который убрал,

чтобы он не мешал карабкаться через завалы, и стал целиться в голову твари, прямо между несуществующих глаз. Она опять остановилась, подобралась, и явно приготовилась к финальному прыжку. Стараясь унять волнение, я плавно потянул спусковой крючок. Пуля попала почти в то место, куда я целился, но лишь вырвала кусок кожи у ушла в рикошет. Тварь от удара контузило, она присела на задние лапы и начала трясти головой. Чёрт, ну и броня, не дожидаясь, когда она окончательно очухается, я выстрелил ей в грудь. Не знаю насколько глубоко вошла пуля, но кожу на груди она пробила, у твари подогнулись передние лапы, и она завалилась на бок, тихо скуля. Больше стрелять я не стал, у меня всего одна обойма, в которой осталось всего шесть патронов.

Не сводя глаз с твари, я начал потихоньку отступать, стараясь не споткнуться. И тут за спиной подбитой твари, я увидел, как во двор входит ещё одна, и ещё... Их было не менее семи-восьми, и они неуклонно приближались, нюхая воздух и шевеля ушами. Стрелять было бесполезно, слишком их много. Даже если на каждую потратить только одну пулю, в чём я сильно сомневался, мне их всё равно на всех не хватит. Оглядевшись по сторонам, я увидел трансформаторную будку, возле которой росло, почти вплотную большое дерево, похожее на тополь, но какой-то слишком большой, листья как у лопуха, ствол в диаметре не меньше метра. До самой нижней ветки было метра два, можно допрыгнуть.

Не теряя времени, я рванул к нему, твари зарывав,

за мной. Отсутствие глаз, нисколько не мешало им обходить препятствия, и развить приличную скорость. Не оглядываясь, я нёсся к тополи, слыша за спиной приближающееся дыхание, расстояние явно сокращалось, причём достаточно быстро. Добежав до дерева, я подпрыгнул, ухватился и вскарабкался на ветку. Ускорение мне придавало шумное дыхание преследователей. Ближайшая ко мне тварь, не останавливаясь, прыгнула следом за мной, и я почувствовал сильный рывок за ногу. Спасло меня от падения только то, что нога уже носком стояла на ветке, а я руками держался за верхнюю ветку, намереваясь на неё взобраться. Не теряя времени, я полез по веткам и оказался на крыше будки, ступив на которую я понял, что рывок за ногу не прошёл бесследно, твари достался каблук от моего ботинка. Жалко, конечно, но главное нога цела. Глянув вниз, я увидел, что звери расположились со всех четырёх сторон, и настроились терпеливо ждать меня.

Подстреленная мною тварь продолжала негромко скулить, оставаясь всё там же. Неожиданно большая часть карауливших меня зверей, потрусили к ней и, добежав, принялись ещё живую рвать её на части, яростно рыча, и толкая друг друга. Первые счастливчики, оторвавшие от своей подруги кусок, вернулись к моему убежищу и принялись с удовольствием поедать ещё дымящееся мясо. А остававшиеся на страже, помчались за своей долей. Вскоре от раненой собаки осталось только пятно крови на земле. Через какое-то

время твари расправились со своими кусками, даже кости сгрызли, и принялись кружить вокруг будки, задирая голову вверх. Они яростно хлестали себя по бокам мощными хвостами. От бессилия добраться до вкусного свежего мяса, они накидывались друг на друга, вспыхивали короткие схватки. Шансов у меня не было. Ну что же, застрелиться, мне хватит и одного патрона, я навёл пистолет на ближайшую тварь и тщательно прицелился.

Внезапно крышу накрыла тень, я поднял голову, и стремглав бросился под защиту дерева, по которому забрался на будку. Пробежав по ветке, я обхватил ствол и замер. С неба на меня пикировал огромный дракон. Потеряв меня из вида, он немного скорректировал полёт, и схватил своими лапами с огромными когтями, одну из ожидающих меня тварей. Когти легко проткнули шкуру и глубоко впились в тело, слепой зверь отчаянно завизжал, пытаясь вырваться, но шансов у него уже не было. Когти были такой длины, что практически насквозь пронзили жертву. Взмахнув, огромными перепончатыми крыльями, дракон без особого труда оторвался от земли и взмыл в небо, унося свою добычу. Во время короткой схватки, остальные слепые собаки попрятались под многочисленными обломками зданий, и сейчас внимательно прислушивались, шевеля ушами.

Я потихоньку вернулся на крышу, и далеко не отходя от дерева, оглядел небосвод. За исключением редких облаков небо было пустым, взлетевший дракон у же скрылся

за горизонтом. Однако... Какие ещё звери здесь обитают? Посмотрев вниз, я увидел, что осада продолжается, просто твари стали осторожней и стараются не появляться на открытом пространстве. Слезть и убежать, или потихоньку скрыться в соседних зданиях вряд ли получится. Они всё также окружали будку со всех сторон, и расстояния между ними были весьма небольшие, чтобы была хоть призрачная надежда проскользнуть. Солнце палило немилосердно, крыша начала нагреваться. Я присел в тень дерева, здесь было чуть прохладнее, но пить хотелось всё сильнее, в горло как будто песка насыпали. Прошло не менее часа, я наверно задремал, вытянувшись на крыше в полный рост, когда раздался громовой рёв. Не поднимаясь на ноги, я подполз к краю крыши и взглянул в сторону источника звука.

Во двор вошло огромное лохматое существо и двинулось в сторону моего убежища. Ростом оно было не менее двух с половиной метров, покрытое густой тёмной шерстью. Двигалось на коротких задних лапах, иногда наклонялось к земле, опираясь на длинные передние лапы. Морда, насколько я мог разглядеть, напоминала морду гориллы, только клыки торчали наружу, как у саблезубого тигра. Вывернутые наружу ноздри сильно расширялись, существо явно к чему-то принюхивалось. Вообще оно больше походило на снежного человека, как его изображают, чем на обезьяну. Дойдя до места, где я подстрелил слепую собаку, он ненадолго остановился, усиленно нюхая землю, потом громко заревев, дви-

нулся дальше. Тем временем слепые собаки покинули свои убежища, и сбились в кучу на пути нового хищника. Постепенно они перестроились в подобие подковы, охватывая приближающего зверя, и зарычали, хлеща себя по бокам хвостами.

Увидев неожиданное препятствие на своём пути, «снежный человек» остановился и громко заревел, стуча себя кулаком в грудь, маленькие глазки загорелись красным цветом. Но собаки не собирались уступать свою добычу и не покинули строй. Тогда лохматый поднял с земли огромный кусок бетона, и со страшной силой швырнул в стаю. Одну из собак буквально снесло с места, и она уже не смогла подняться жалобно скуля. А он тем временем поднял следующий кусок бетона, и обеими руками бросил в стаю, зацепив сразу двоих. Собаки дрогнули и немного отбежали от своих позиций, а лохматый ещё приблизился, подняв очередную глыбу бетона.

Ну, вот и всё, против этого гиганта у меня нет шансов. Что-то мне подсказывало, что по деревьям он лазит не хуже меня. Я передёрнул затвор пистолета, и, обхватив рукоять обеими руками, стал напряжённо ждать, когда гигант приблизится к дереву. Сделаю пять выстрелов, шестой оставлю для себя, чтобы живым не попасть на зубы этого существа. Отогнав оставшихся собак на приличное расстояние, он, пригнувшись, направился к дереву, и, подняв глаза, увидел меня. Видимо людей он видел не часто, потому что за-

мер на месте и громко заревел, распаяя себя. Я выстрелил, но пуля лишь слегка коснулась черепа чудовища, вырвав кусок кожи. Он взревел ещё сильнее и скачками кинулся к дереву. Я быстро выстрелил ещё четыре раза. Не знаю, сколько из них я попал, но гигант лишь немного сбавил скорость и, не переставая реветь, кинулся на дерево. Я отбежал на противоположный край крыши, поднёс пистолет к виску и нажал на курок. Вместо выстрела, раздался металлический щелчок, осечка. Тем временем лохматый гигант уже залез на крышу, выпрямившись во весь свой огромный рост, стуча себя кулаками в грудь и оглушительно ревя, направился ко мне. До меня уже доносилось зловонное дыхание из его широко открытой пасти. В отчаянной попытке я запустил в него бесполезный пистолет, и вдруг голова чудовища разлетелась как зрелый арбуз, а до меня донёсся грохот выстрела. Гигант сделал по инерции ещё шаг и как подкошенный рухнул на крышу прямо мне под ноги.

Я стоял, окаменев, уже попрощавшись с жизнью, а к моим ногам приближалась лужа тёмной крови, вытекающая из того, что осталось от головы гиганта. Внезапно внизу раздались очереди из автоматов и визг. Выйдя из ступора и подскочив к краю крыши, я увидел приближающихся людей в военной форме, которые из автоматов палили по слепым собакам. Их было человек десять, и перевес был явно на их стороне, так как собак накануне изрядно потрепал убитый гигант. Вскоре уцелевшие твари бросились наутёк, а люди остановились

возле будки, с интересом разглядывая меня.

– Ну, слезай мил человек, будем знакомиться. Или тебе там понравилось? – нарушил молчание старший из бойцов. На вид ему было лет пятьдесят, крепко сбитый, невысокого роста, лицо простое, но глаза умные, внимательные. Одежды все в военную форму, правда почему-то старого образца, времён Великой Отечественной, без погон и каких-либо знаков различия. На головах, правда, надеты гражданские кепки, разных расцветок, а у старшего вообще шляпа с небольшими полями. Среди них была девушка, одета, как и все в военную форму, аккуратно подогнанную по стройной фигурке, на голове у неё повязан тёмный платок, наподобие банданы. Вооружены они были, под стать форме, пистолетами-пулемётами Шпагина калибром 7,62-мм образца 1941 года. Только у девушки в руках была снайперская винтовка Драгунова с оптическим прицелом ПСО-1. Скорей всего именно её выстрел и разнёс голову лохматому гиганту, который хотел мной пообедать. Встретившись со мной взглядом, она неторопливо закинула за спину своё оружие и поправила на голове платок. Окинув взглядом окрестности, и не увидев ничего подозрительного, я направился к дереву и, спустившись, подошёл к незнакомцам.

– Кто ты, и откуда здесь взялся? – встретил меня вопросом мужик в шляпе. Вблизи его лицо не казалось таким простым. На щеке был старый шрам из трёх глубоких и неровных борозд, явно от чьей-то лапы. Голубые глаза вниматель-

но смотрели на меня из под лохматых бровей.

– Меня зовут, Максим Матросов я обычный инженер-электронщик. Хотите, верьте или нет, но я сюда попал из другого мира. У нас был 1989 год, зима, город Москва, Советский Союз. Меня ударили в подъезде по голове, а очнулся я уже здесь в подвале. Вылез и решил идти в ту сторону, – я махнул рукой. – А потом на меня собаки напали, пришлось на будку залезть, а дальше этот лохматый громила появился, я уже думал мне конец, хотел застрелиться, да пистолет осечку дал, – закончил я свой небольшой рассказ.

– Почему ты решил идти именно в ту сторону? – задал очередной вопрос старший.

– Я поднялся на развалины и увидел в той стороне более целые здания, подумал, что там могу кого-нибудь встретить из людей.

– В вашем мире, что каждый инженер с пистолетом ходит?

– Нет, конечно, но я работал в секретном институте и меня уже один раз похищали враги, пытаюсь вывезти за границу. Кроме того я по совместительству капитан КГБ, так что оружие у меня табельное, – я протянул ему свои красные корочки, которые всегда носил с собой.

– Негоже табельное оружие бросать, – проговорил он, рассматривая документ, – Федя, посмотри, – кивнул он молодому бойцу.

– А почему здесь фамилия Непомнящий, а ты говоришь – Матросов, – с прищуром уставился он на меня.

– Это мой псевдоним в том мире, я ведь туда тоже случайно попал из другой реальности из 2018 года.

– Ну, ты даёшь. Ты сам-то себе веришь? Ладно, пойдём на базу, там будем разбираться, Рентген нам поможет. Есть у нас хлопец, который видит человека насквозь, все мысли прочтёт. Не боишься? Если выяснится, что ты не тот за кого себя выдаёшь, назад уже не вернёшься. Так что решай, с нами идёшь или расходимся здесь? – спросил старшой, принимая у Фёдора мой пистолет.

– Я иду с вами, мне нечего скрывать, – твёрдо ответил я.

– Добро, я тебя предупредил, – он несколько раз нажал на курок моего пистолета, направив ствол в землю. Выстрела не последовало. Он вынул патрон и задумчиво осмотрел его.

– Илья, дай ка патрон от «Макарки», – обратился он к мужику с роскошными казацкими усами. Тот молча пошарил в кармане и протянул ему блестящий патрон. Зарядив его в мой пистолет, старшой вновь нажал на курок, грянул выстрел. Сунув ещё дымящийся пистолет за пазуху, он вновь обратился ко мне.

– Повезло тебе парень, патрон бракованный попался. На, держи, – он протянул последний патрон из моего пистолета, – храни его на память. Меня зовут Егором, я командир поискового отряда. Сейчас мы захватим железо, которое бросили, услышав твою стрельбу, и двинем на базу. За пару суток доберёмся, но тебе тоже придётся поработать носильщиком. Не возражаешь?

– Нет, я готов помочь. Ведите.

Он молча махнул рукой и отряд двинулся. Вперёд вышли двое, они быстро оторвались от нас метров на пятьдесят. Вторая двойка, наоборот, задержалась у будки и двинулась в арьергарде, постоянно оглядываясь. Центральная группа охватила кругом своего командира, меня и девушку-снайпера. Видно было, что люди хорошо подготовлены, каждый знает своё место. Пройдя около километра, мы подошли к куче ржавого железа, в основном арматуры и труб. Разобрав железо, двинулись дальше. Несли поклажу все, кроме передней двойки, даже старший взвалил на плечо пучок арматуры, перевязанный шпагатом. Я тоже порядком нагружился и через двадцать минут понял, что не рассчитал свои силы. Пот заливал глаза, всё-таки было очень жарко, ноги заплетались, ещё и каблука на одном ботинке не было. Спустя час, Егор объявил привал, и я без сил рухнул на потрескавшийся асфальт. Здесь улицы уже не были сплошь завалены обломками зданий, да и сами здания сохранились значительно лучше. В некоторых окнах даже уцелели стёкла. Немного отдышавшись, я сел и спросил Егора.

– Что это за город?

– Москва это, бывшая столица СССР, – негромко ответил он, – а ты думал это Нью-Йорк или Вашингтон?

– А что с ней случилось? – ошарашенно спросил я.

– Американцы нанесли ядерный удар, ещё в ноябре 1962 года.

– А сейчас какой год? – недоверчиво глядя на него спросил я.

– Сейчас июнь 1983 года. Двадцать один год уже прошёл. Фон уже почти нормальный стал, да мы в эпицентр и не лезем, так по окраинам ходим. Ещё немного и из города выйдем, а там, в пригороде у нас схрон оборудован, там и заночуем. Ладно, хватит загорать, – уже громче объявил он, – двигаем дальше, солнце уже через полдень перевалило.

– Ты Максим, немного поделись своей ношей со Стёпой, – он показал на молодого парня богатырского сложения, – а то не дойдёшь. Потом тащить тебя, ещё хуже. Всё, все вопросы потом, дома будешь задавать, когда дойдем и с Рентгеном побеседуем, – добавил он, видя как я, ошарашенно оглядываюсь по сторонам.

Глава 2

Дальнейший переход я помню смутно. Солнце палило по страшному, железо тянуло к земле, одежда насквозь пропиталась потом, даже в ботинках хлюпало. Временами мне казалось, сознание покидало меня, но я не падал, а шёл как робот, на автопилоте иногда выныривая в реальность. Ещё пару раз Егор объявлял привал, и я падал как подкошенный и вырубался уже по-настоящему. В очередной раз, вынырнув в реальность, я заметил, что город закончился, и мы идём по лесной дороге. Несмотря на усталость, я почувствовал, что по лесу идти гораздо легче. Солнце уже не било напрямую по голове, а рассеивалось сквозь кроны деревьев и явно стремилось к закату. Ещё часа через два, уже в сумерках, мы вышли на окраину сгоревшей деревни. Все замерли на краю леса, а передняя двойка осторожно приблизилась к крайнему пепелищу. Походив по развалинам, они махнули нам, и мы цепочкой вышли из леса.

– Идём след в след, слышишь Максим, здесь кругом мины. Шаг в сторону и конец, и другие пострадают, – негромко произнёс Егор.

– Понял, буду внимательнее, – также тихо ответил я, стараясь ступать точно по следам могучего Степана, который шёл впереди меня. Я заметил, что передние бойцы складывают своё железо в кучу на краю пепелища, и, дойдя до этого

места, тоже освободился от груза. Зайдя в обгоревшие развалины, я увидел открытую крышку люка, в которую по одному спускались шедшие впереди. Когда подошла моя очередь, я осторожно спустился по лестнице, внизу было довольно светло, горели четыре керосиновые лампы. Помещение было довольно большим подвалом, расположенным под сгоревшим домом. Вдоль стен тянулись сколоченные из досок нары, заваленные всевозможным тряпьем, а посредине помещения стоял длинный стол, оббитый сверху фанерой. В углу стояла газовая плита с красным баллоном.

– Падай сюда, не мельтеши, – показал мне на ближайшие нары Егор, – отдыхай пока, скоро ужинать будем. Я присел на нары и уже через пять минут начал проваливаться в сон, последнее, что я слышал, как старшой распределял дежурства на ночь. Очнулся я от того что кто-то трясёт меня за плечо. С трудом подняв веки, я увидел, что это девушка-снайпер трясёт меня.

– На, поешь, а то завтра вообще сил идти не будет, – она протянула мне алюминиевую чашку с дымящейся гречневой кашей. – Нам завтра ещё почти целый день идти. Съешь, потом чаю налью, – улыбнулась она. Я поблагодарил и, подвинувшись к столу, стал ужинать. Каша показалась мне очень вкусной, с тушёнкой, может оттого, что я целый день не ел, да и вообще последний раз я ел в своём мире, в институтской столовой. Быстро покончив со своей порцией, я выпил кружку душистого чая, явно заваренного на травах, и почувство-

вал себя намного лучше. Ещё раз, поблагодарив девушку, я вытянулся на нарах и вновь погрузился в сон. На этот раз я проснулся сам, услышав, что люди Егора, встали и собираются к столу – завтракать. Чувствовал я себя вполне нормально, видимо организм за ночь хорошо отдохнул. Подсев к столу я тоже получил кружку душистого чая и миску вчерашней каши. Быстро покончив с завтраком, люди стали вылезать из подвала на воздух. Солнце ещё не взошло, но уже было достаточно светло. После спёртого подвального воздуха, я с наслаждением вдыхал полной грудью свежий аромат близкого леса. Было довольно свежо, я даже поёжился. Опустив крышку подвала, последние вылезшие бойцы, навалили на неё горелых головёшек, всякого мусора и мы опять след в след двинулись в сторону леса, прихватив по дороге железо.

Шли в том же порядке – двое впереди, основная группа и замыкающая двойка. Идти было гораздо легче, чем вчера. Воздух по утреннему прохладный, и лесная дорога мне нравилась гораздо больше, чем заваленные обломками, с растрескавшимся асфальтом, улицы разрушенного города. Через пару часов солнце окончательно поднялось над лесом, стало значительно теплее. Лес жил своей жизнью, щебетали птицы, жужжали насекомые, вдоль дороги порхали цветастые бабочки. Было чувство, что из глубины леса за нами кто-то наблюдает, но не отваживается приближаться к большой группе вооружённых людей.

– Воздух! – неожиданно донеслось от задней двойки и все стремительно бросились под кроны деревьев. Я тоже нырнул под ветки раскидистой ели, оказавшись рядом с Егором и девушкой-снайпером. В небе показался небольшой самолёт, похожий на немецкую «раму» времён Великой Отечественной войны. Он летел на высоте нескольких сот метров и был отлично виден сквозь ветви деревьев. Это был явно беспилотный аппарат, так как его размеры не позволяли поместить лётчика.

– Чей это самолёт, – негромко спросил я, провожая взглядом удаляющийся беспилотник.

– Америкосов конечно, чей же ещё, – проворчал Егор, выбираясь на дорогу, – пошли дальше, на базе поговорим. Отряд выбрался на дорогу и продолжил движение. Ещё пару часов спустя остановились на привал и перекусили сухарями с вяленным мясом. После привала мы свернули с дороги на еле заметную тропу. Идти стало тяжелее, приходилось часто пригибаться под низкими ветвями деревьев, за которые к тому же цеплялся груз на плече. Скорость передвижения отряда заметно упала.

– Стой, кто идёт! – внезапно раздалось из ближайших кустов. Отряд замер на месте, а Егор выкрикнул.

– Свои, отряд Липатова. Пароль – рассвет двадцать девять, отзыв?

– Закат семьдесят один, – донеслось из кустов, и на тропу выбрался коренастый мужик, одетый в маскхалат с нашиты-

ми на него тёмно-зелёными лоскутами ткани. Он забросил на плечо автомат и подошёл к Егору.

– Здорова Егор, как рейд, удачно? – спросил он, протягивая руку. – А это что за гусь? – кивнул он на меня.

– Рейд нормально прошёл, без потерь. Железа неплохо взяли, Архип будет доволен. А это Максим, в городе встретили. Его собаки обложили, да ещё Хозяин объявился. Пришлось пострелять немного, но, в общем, удачно получилось. А кто он и откуда пускай Дед разбирается, я его предупредил, что от нас он может живым не выйти, – ответил Егор, пожимая протянутую ладонь. Мужик хотел ещё поговорить, видно скучно в дозоре, но старшой, повысив голос, чтобы все слышали, произнёс:

– Ладно, двинули, дело к вечеру, а нам ещё к Архипу зайти разгрузиться надо. И отряд вновь зашагал по тропе. Через пару километров вышли к небольшому зимовью, расположенному между двух высоченных сосен. Мы остановились возле него, и тут же дверь распахнулась, вышел здоровенный мужик в кожаном фартуке и чёрных штанах, заправленных в кирзовые сапоги огромного размера. Чёрные длинные волосы были зачёсаны назад и перехвачены шнурком. На грудь спускалась широкая борода.

– Здорова мужики, с чем пожаловали, – заговорил он густым басом, вытирая руки тряпкой.

– И тебе не хворать, Архип. Показывай куда железо слаживать, да мы дальше двинем. Охота уже умыться да отдох-

нуть после рейда, вымотались как черти, – устало выдохнул командир.

– Да вот сюда к стенке под навес и складывайте, я потом сам отсортирую что куда, – показал здоровяк.

Мы сложили свои ноши и двинулись назад по тропе, через некоторое время, свернув на другую. Пройдя по ней ещё около километра, мы вновь услышали окрик:

– Стой, кто идёт?

Егор обменялся с секретом паролями, и мы сразу же двинулись дальше. Вскоре между деревьями показались землянки, различных размеров. Они не выделялись на фоне леса, и разглядеть их можно было только с близкого расстояния. У ближайшей отряд остановился.

– Всем по домам, завтра отдыхайте, а послезавтра утром приходите на развод. Там Дед чем-нибудь озадачит. А ты, Максим, пойдёшь со мной до начальства, – скомандовал Егор и направился дальше.

Я поплёлся следом, с интересом оглядывая лагерь. Выше человеческого роста между деревьев была натянута маскировочная сетка, особенно где были большие промежутки между кронами деревьев. Разглядеть лагерь с воздуха было практически невозможно. Мы подошли к большой землянке, возле которой к мощной сосне была пристроена небольшая голубятня, в которой курлыкали несколько голубей. Егор постучал и открыл дверь, пропустив меня вперёд.

Я вошёл в землянку и с интересом огляделся. Помещение

было достаточно просторным, посередине находился большой стол окружённый лавками. Свет проникал через узкие прямоугольные окна, расположенные под потолком. Некоторые из них были открыты, и в землянке был небольшой, приятный сквознячок. На стене висела большая карта СССР с воткнутыми в неё разноцветными флажками. В стене был проход в соседнее помещение, из которого, раздвинув занавеску, появился кряжистый мужик. Увидев меня, он остановился и пристально уставился на меня. Я тоже молча разглядывал хозяина. Он был совершенно седым, волосы коротко подстрижены. Небольшая аккуратная бородка тоже была седая. Увеличенные толстыми линзами очков на меня смотрели огромные внимательные глаза. Одет он был в клетчатую рубаху, с закатанными рукавами, и форменные офицерские брюки с красными лампасами. На ногах были обычные домашние тапочки в мелкую клетку. На вид ему было далеко за пятьдесят, но чувствовалась выправка бывшего военного и ещё достаточно крепкое здоровье. Наконец, он повернулся к Егору и протянул ему руку.

– Садитесь, – он махнул рукой в сторону стола, – рассказывай Егор, как прошёл рейд, кого привёл. В общем, всё по порядку и во всех подробностях.

Мы с Егором уселись с одной стороны стола, он напротив. Пока старшой во всех подробностях рассказывал про рейд, он его внимательно слушал, изредка задавая уточняющие вопросы. Когда речь зашла о нашей встрече, он перевёл

взгляд на меня и с интересом продолжил меня разглядывать. После того как Егор замолчал, повисла напряжённая тишина.

— Ваня, сынок, подойди к нам — внезапно нарушил тишину хозяин, повернувшись в сторону занавески. Из проема появился молодой парень. Бог мой, я взглянул на него и еле сдержал возглас. Тело парня было вполне нормальным, разве что слишком худым, а вот голова... Голова была огромной в два раза больше чем у обычного человека и сильно вытянута вверх. Совершенно лысая, не было также ни бровей, ни ресниц. Глаза несчастного тоже были огромные и сильно выпученные вперёд, уши напротив маленькие и прижаты к черепу. Хотя насчёт черепа у меня возникли большие сомнения, казалось, мозг бедняги видно через бледную кожу и даже как будто оболочка головы шевелится в такт его пульсациям. Дальше разглядывать калеку было неудобно, и я перевёл взгляд на хозяина землянки, рядом с которым он уселся.

— Ну что же молодой человек давайте знакомится, — говорил старик, не отрывая от меня взгляда. — Меня зовут Сергей Иванович, люди чаще кличут Дедом. Я командир этого партизанского отряда, а это мой внук Иван, его ещё зовут Рентгеном за то, что обмануть его невозможно, он читает мысли человека как открытую книгу. Теперь я хочу услышать твою историю, и не вздумай ничего скрывать это бесполезно.

Я перевёл взгляд на парня и, смотря ему прямо в глаза

начал свой рассказ. Рассказывал я с самого начала, со своей родной реальности и своего первого перехода между мирами. За всё время моего повествования, Егор и Ваня не проронили ни слова, Дед иногда задавал уточняющие вопросы, но тоже немного. В землянке начало темнеть, дед встал, зажёл подвешенную к потолку керосиновую лампу и задвинул плотные шторы на окнах. Когда я закончил рассказывать о своих приключениях, он задал мне ещё несколько вопросов и, выслушав ответы, посмотрел на внука:

– Ванюша, сынок, как тебе рассказ нашего гостя?

– Это все, правда, он не соврал ни разу, – не задумываясь, проговорил Рентген.

– Ну что ж очень хорошо, – удовлетворённо сказал Дед. – Теперь хотелось бы узнать, что ты планируешь делать в нашем мире, чем заняться. А может, ты попытаешься вернуться в свой мир?

– Понимаете, я не могу управлять своими перемещениями между мирами. Это оба раза происходило спонтанно, от удара по голове, включался какой-то механизм и я оказывался в новом мире. Хотя я сам никуда не собирался.

– Если хочешь, я могу попытаться научить тебя управлять своим даром, – неожиданно проговорил Иван.

– Ты сможешь сам открывать проход между мирами по своей воле. Правда, я не уверен, что ты будешь попадать в тот мир куда захочешь. Связь между параллельными мирами очень сложный процесс и я не уверен, что он будет подчи-

няться твоему разуму. Время в них тоже течёт по-разному, поэтому если ты и попадёшь в тот мир, откуда попал к нам, возможно там за это время пройдут многие годы, или даже десятилетия. Не спрашивай, откуда я это знаю. Я не смогу тебе это объяснить, я просто это чувствую. Иногда я вижу во сне эти миры, иногда наяву в моём мозгу возникают разные образы. Поэтому решай сам, если получится, ты сможешь открыть дверь, но где ты окажешься, когда войдёшь, я этого не знаю, – закончил он, сверля меня насквозь своими страшными глазами.

Внезапно я понял, что уже не боюсь его выпуклых, огромных глаз. Чем больше я смотрел в них, тем глубже погружался в их глубину. Мне казалось, что я вижу через них всю бесконечность космоса, всю безграничность человеческого разума. Они завораживали меня. С трудом я перевёл взгляд на Деда и мысленно встряхнул головой, отгоняя видения.

– Нет, пожалуй, я не готов пускаться в новое путешествие, тем, более не зная конца пути, – задумчиво произнёс я.

– Если можно я хотел бы побольше узнать о вашей реальности, что у вас произошло, почему города в руинах, а вы живёте в лесу и прячетесь от американских самолётов.

– Законное требование, – довольно проговорил Дед, – раз ты решил у нас остаться. Ну, слушай.

– До конца 1962 года наши реальности развивались практически одинаково, – начал он свой рассказ. Говорил он долго, до глубокой ночи. Иван уже давно ушёл спать на жилую

половину. Егор, тоже клевал носом, подперев голову руками, которые локтями упёр в стол. Я внимательно слушал рассказчика, несмотря на физическую усталость, после похода, сна не было ни в одном глазу. Передо мной раскрывалась вся трагедия этого мира. Как и у нас в 1961 году американцы разместили ядерные ракеты в Турции около города Измир. Пятнадцать ракет средней дальности гарантированно покрывали всю Европейскую часть Советского Союза. Подлётное время было менее десяти минут. Итак, к этому времени США имели значительный перевес в наступательном вооружении. У них было примерно 6000 боеголовок против наших 300. Также как у нас Хрущёв в ответ на это начал размещать ядерные ракеты на Кубе и 14 октября на остров доставили все 40 ракет и большую часть оборудования. Теперь мы тоже могли легко достать до Вашингтона. Разразился Карибский кризис, но, как и у нас, Джон Кеннеди и Никита Хрущёв смогли договориться. И Советский Союз начал демонтировать и вывозить свои ракеты с острова Свободы. Всё, здесь сходство между нашими мирами заканчивалось.

Когда все наши ракеты покинули остров и находились ещё в пути, Соединённые штаты нанесли массированный ядерный удар по территории СССР. Корабли, перевозившие ракеты с острова были потоплены американскими подводными лодками. Все крупные города и промышленные центры СССР, в одно мгновение превратились в руины. По военным частям РВСН был нанесён удар в первую очередь. Девя-

носто процентов Советских ракет закончило своё существование прямо в шахтах. Наши подводные лодки, имеющие ядерные ракеты, тоже в большинстве своём были атакованы в первые секунды войны. Вообще операция американских военных была очень хорошо спланирована и подготовлена. Несмотря на разные часовые пояса, удар по всем целям был произведён практически одновременно. Но, несмотря на это наши военные всё-таки сумели отстреляться, пока их окончательно не накрыло американским огнём. Конечно, оставшиеся ракеты не смогли нанести серьёзного урона агрессору, тем более большая часть, уцелевших от первого удара Р-7 и Р-16 были нацелены на страны союзники США по блоку НАТО, а менять координаты целей, уже не было времени. Территории Северной Америки достигли всего несколько ракет, и то большая часть из них, была уничтожена силами ПВО, ведь они, в отличие от нас, ждали ответный удар. У США были разрушены лишь пара военных баз, да три второстепенных города, население которых не превышало полу-миллиона человек. Больше досталось их союзникам по НАТО. Серьёзно пострадала Западная Германия, Франция, Великобритания. Турция вообще практически перестала существовать как самостоятельное государство. После уничтожения правительства, власть там захватили курды, и началась гражданская война всех против всех.

Ну а Советского Союза больше не существовало. Сразу после нанесения Ядерного удара на непострадавшие и неза-

ражѐнные территории нашей страны высадили американский десант, а следом и вся регулярная армия. Вскоре к ним присоединились и союзники по НАТО. Все очаги сопротивления были безжалостно подавлены, в том числе и с применением тактического ядерного оружия. Хотя надо признать, что захватчики всё же избегали дальнейшего использования ядерных боеприпасов. Им нужна была незаражѐнная территория и наши природные ресурсы. Именно поэтому Урал и Сибирь почти не пострадала от ядерной заразы. Были только уничтожены советские воинские подразделения, представляющие угрозу для захватчиков.

Две трети населения страны погибло в ядерном огне, оставшиеся в живых люди были согнаны в огороженные резервации и трудовые лагеря, в которых владели жалкое существование и медленно вымирали. Захватчикам не нужно было много русских. Они использовали часть специалистов как дешѐвую рабочую силу, помогающую им выкачивать из захваченной территории природные богатства: лес, нефть, газ, руду и так далее вплоть до меха пушных зверьков. Остальное население использовалось на тяжѐлых полевых работах, вручную обрабатывая землю и вырубая и выкорчѐвая лес, получая за свой каторжный труд только скудное питание, да грубую спецодежду. Кто уже не мог работать от старости или из-за болезней помещались в резервации, где быстро умирали, практически от голода, так как им положена была всего одна миска баланды в день. Рядом с ре-

зервациями и трудовыми лагерями были выстроены крематории, по образцу немецких, времён Второй мировой войны, где быстро сжигались все умершие от нечеловеческих условий.

Как грибы, по всей бывшей территории Союза, выросли всевозможные секретные институты, и лаборатории где во имя науки, над бывшими советскими гражданами, проводили нечеловеческие эксперименты. Особенно эти «учёные» любили использовать для своих жутких экспериментов детей. Которых становилось всё меньше, потому что женщины не хотели рожать, обрекая своё чадо на такую жизнь. Рожали в основном женщины, согнанные насильно в многочисленные публичные дома обслуживающие американских специалистов и военных. Там за здоровьем персонала следили и кормили хорошо, но средствами контрацепции пользоваться не разрешали. Несмотря на то, что по естественным причинам, женщины часто выбывали из «рабочего» процесса на какое-то время, данные учреждения продолжали исправно работать, так как желающих попасть туда на работу было много.

Взамен СССР, оккупационные власти создали на территории бывшей Магаданской области Российскую республику, во главе которой стоял президент, из семьи эмигрантов, который до этого жил в США. Правительство этой республики тоже было целиком сформировано из лояльных оккупационным властям граждан, как впрочем, и парламент. У новой

республики была даже небольшая армия, вооружённая правда только стрелковым оружием устаревших образцов. Была сильная полиция, большая часть которой, состояла из бывших уголовников, поддерживающих американскую оккупацию. В республике было множество американских советников и бизнесменов, которые усиленно выкачивали богатства этого северного края. А гражданами Российской республики были в основном жители Магаданской области, остальным жителям бывшего СССР, гражданство получить было не просто.

Только доказав полную лояльность США и имея действительно нужную для севера профессию можно было получить вид на жительство, а через пять лет паспорт гражданина республики. Но это опять же если повезёт, так как жизнь простых граждан новой России была не намного лучше жителей Сибири и других территорий бывшего СССР. Они тоже испытывали постоянное чувство голода, получая копейки за свой каторжный труд. Школы остались только начальные, высшие учебные заведения все позакрывали, продолжали работать несколько ПТУ, где за год обучали рабочим специальностям небольшое количество студентов. Детских садов тоже не было, зато было открыто множество публичных домов, в которые любили ходить полицейские.

Удерживать под контролем такую огромную территорию одним американцам было нелегко, и они поделились землями Советского Союза со своими союзниками. Часть европей-

ской территории, включая все прибалтийские республики, Украинскую ССР, сильно пострадавшую Белоруссию, полностью разрушенный и сгоревший в ядерном огне Ленинград они отдали своим Европейским союзникам. Зона влияния США начиналась от Валдайской возвышенности, включала города Брянск, Курск, Воронеж, Краснодарский край, часть Казахстана, Урал, всю Сибирь и заканчивалась в Читинской области. Дальше начинались владения Японии и Южной Кореи. Часть дальневосточных территорий прихватил себе Китай с молчаливого согласия американцев, которые подмяв под себя главные богатства СССР, пытались выглядеть щедрыми к остальным захватчикам. И как отпетые уголовники, стремились повязать всех русской кровью. А крови лилось море. Немцы и англичане, мстя за свои разрушенные города, сжигали целые деревни, освобождая территорию для своих граждан. Местное население превратили в рабов, их могли продать вместе с землёй, могли просто убить, их загоняли в заражённые радиацией земли, где они мучительно умирали от лучевой болезни.

Естественно не все бывшие советские граждане смирились с такой жизнью. То и дело вспыхивали народные восстания, которые безжалостно подавлялись. На Европейской части бывшего СССР, недовольным режимом геноцида, было довольно трудно скрываться от захватчиков. Незаражённых территорий оставалось не так уж много. Часть леса выгорела от ядерного удара, другая была заражена, а оставшийся чи-

стым лес сразу взяли под полный контроль новые хозяева. Поэтому люди, не смилившиеся с рабским положением, настроенные бороться с захватчиками до победы или до смерти, бежали с Западных территорий на Урал и в Сибирь. Здесь кроме крупных городов и промышленных центров, остальная территория не подвергалась бомбёжке, а в тайге и горах можно было легко спрятать многочисленные отряды партизан.

Конечно, путь через пол страны, захваченной врагом, был очень опасен. На дорогах были оборудованы многочисленные блокпосты, в небе часто летали беспилотники, да и спутников на орбитах, проходящих над территорией бывшего Союза, хватало с избытком. Люди передвигались в основном по лесам, где это было возможным, шли чаще ночью, а днём отлёживались в укромных местах. Воспользоваться каким-то транспортом, было практически невозможно, так как теперь на дорогах мог находиться только транспорт захватчиков, оснащённый блоком распознавания «свой-чужой». Весь неопознанный транспорт мгновенно уничтожался первым же беспилотником, оснащённым ракетами воздух-земля, или останавливался патрулём по наводке со спутника или невооружённого БЛА. Участь пойманных партизан была незавидной. Они или уничтожались на месте, или попадали в секретные лаборатории, где быстро умирали от чудовищных экспериментов.

Глава 3

Одной из задач партизанского отряда Деда, была помощь таким перебежчикам. Их встречали, проверяли при помощи Рентгена, и если всё было нормально, откармливали, давали людям отдохнуть, а когда их набиралась небольшая группа, со своим проводником, отправляли дальше на Восток. Проверке подвергались все в обязательном порядке, так как иногда встречались провокаторы завербованные врагом. Подобных отрядов было несколько, все они были расположены вдоль границы американской зоны и в каждом был человек подобный нашему Рентгену. Вообще за два десятка лет прошедших после ядерной бомбардировки, многие люди из местного населения, подверглись различным мутациям. В большинстве своём это были очень больные люди, вся жизнь которых состояла из боли. Многие дети, матери которых страдали лучевой болезнью, умирали ещё в младенчестве. Но были и такие как Иван, который, несмотря на постоянные головные боли, пережил детство и очень помогал партизанам. А агенты захватчиков встречались постоянно. Многие шли на предательство добровольно, стремясь облегчить себе жизнь, и получить от врага какие-то привилегии, а других заставляли под угрозой расправы с близкими. И тех и других партизаны безжалостно уничтожали, так как из-за них могло пострадать очень много людей.

Партизанское движение на территории американской зоны, постепенно набирало силу. В нём участвовали десятки, если не сотни тысяч патриотов, конечно, они были плохо вооружены. Многие имели только холодное оружие, но они регулярно совершали нападения на вражеские базы, захватывали оружие и уничтожали живую силу врага. Выводили из строя нефтяные вышки и газовые месторождения, нападали на автоколонны и поезда. Американцы нигде не могли чувствовать себя спокойно, поэтому и старались забросить своих людей к партизанам, чтобы узнать координаты их постоянных баз. А дальше всё просто. Никаких карательных отрядов, как у фашистов во времена Великой Отечественной, по этому месту наносился массированный ракетный удар, и партизанский отряд переставал существовать. Правда ядерные боеприпасы они не использовали, не хотели заражать захваченную территорию, да и ветер мог внезапно понести радиоактивное облако в сторону их военных баз, или разрабатываемых месторождений.

Именно поэтому у партизан не было слишком больших по численности отрядов. Небольшие мобильные группы жалили врага как осы и быстро отходили. Все они подчинялись ОШПО – объединённому штабу партизанских отрядов. Если операция требовала значительных сил, несколько отрядов на время объединялись, а по завершении её быстро разбегались и терялись в бесконечной тайге. Во главе штаба стоял генерал Семёнов, никто не знал настоящая это фамилия или

псевдоним, а может вообще это не один человек, а группа людей.

Как и у пограничных отрядов, у них были люди типа Рентгена, но естественно на все отряды таких уникальных людей не хватало и время от времени провокаторам удавалось проникать на базы партизан, которые вскоре накрывал огненный шквал. Но люди не сдавались. Они боролись за свою землю и за свою жизнь. Именно за жизнь, а не только за свободу, потому что захватчики планомерно осуществляли геноцид советского народа. И оставшееся от ядерного удара население неуклонно сокращалось. За прошедшие двадцать лет выросло целое поколение лесных людей. Они никогда не жили в СССР, да и благоустроенных условий не знали в принципе, они не очень хорошо умели читать и писать. Но они практически никогда не болели, могли спать на снегу, совершенно беззвучно ходить по лесу, видеть в темноте, слышать и чуют не хуже зверя. Стрелять из арбалета без промаха, также метать нож и копье, любое огнестрельное оружие они тоже знали в совершенстве. Эти молодые бойцы с молоком матери впитали ненависть к захватчикам, и легко могли их убивать даже голыми руками. Прожив всю жизнь в лесу, они легко находили контакт с лесными зверями. У некоторых даже были в друзьях медведи и волки, выращенные ими с детства. В своих операциях против захватчиков они часто использовали своих лесных друзей, многократно увеличивая мощь отряда.

Связь между отрядами поддерживалась в основном с помощью почтовых голубей. Конечно, были в отрядах и работающие рации, хотя с элементами питания приходилось очень трудно, но все они работали только на приём, слушая частоты врага. Стоило начать передачу, рацию очень быстро пеленговали, в том числе и со спутников, и следовал мгновенный залп, полностью выжигающий квадрат леса, а если был ветер то и соседние квадраты сгорали, сокращая тайгу. Голуби же легко ориентировались над тайгой и быстро перелетали от отряда к отряду. Вот так жили люди на территории России в этой реальности. Дед закончил свой рассказ и замолчал, погрузившись в собственные нелёгкие мысли. Егор крепко спал, пустив слюну из уголка рта.

– Ладно, хватит на сегодня, – очнулся от тяжёлых дум командир, – основное ты про нашу жизнь узнал. Что ты собираешься дальше делать? С нами останешься или на Восток тебя отправить с новой партией беженцев?

– Если можно я пока с вами поживу, только я не хочу быть обузой. Дайте мне какое-нибудь дело.

– Хорошо, я тебя пока закреплю за отрядом Егора, он хороший командир, справедливый. Будешь ходить в дозоры вылавливать беженцев, и в рейды иногда на разведку. Видел у всех наших форма одинаковая и ППШ у многих? – спросил Дед, я молча кивнул.

– Это он со своими бойцами нашёл уцелевший воинский склад под Подольском. Видимо американцы про него не зна-

ли, а может, не посчитали ценным, ведь там и форма и оружие только времён Великой отечественной хранилось. А нам в самый раз, ещё и на восток с каждой партией беженцев переправляем понемногу.

– А что Москва, полностью разрушена? – не удержался я от вопроса.

– Центр вообще одна большая воронка, мы туда не суёмся. Там до сих пор высокий фон. Лучше уцелели окраины, но и там из людей никто не живёт. Одно зверьё мутировавшее рыщет, а ближе к центру совсем страшные мутанты обитают. В городе человеку не выжить, мы только по нужде туда ходим, последний рейд за железом был. У нас кузнец супер, арбалеты, копья, топоры, мачете все, что хочешь, сделать может. Огнестрел сейчас редкость, скорей даже не сами стволы, а патроны к ним. Хотя в штабе я слышал, пытаются наладить выпуск пороха и снаряжать патроны, но не знаю насколько продвинулись. Тебе повезло, что ты на окраине объявился, мы ведь дальше и не пошли бы.

– А в метро, никто не уцелел во время удара? – спросил я, вспомнив фантастические книги своей родной реальности, про жизнь в Московском метрополитене.

– Не знаю, – пожал плечами Дед, – мы пытались узнать, да и подземные склады поискать хотели, отправили туда группу бойцов, но никто не вернулся. Больше судьбу испытывать не стали. Если на поверхности такие твари водятся, то трудно представить какие они под землёй. Вообще города сейчас

людьми потеряны полностью. Американцы тоже туда не суются, так иногда беспилотники отправляют, да и то больше из любопытства. В лесу и то попадают мутировавшие звери, особенно ближе к городам. Наши, недавно, завалили медведя с двумя головами. Ростом свыше трёх метров, когда на задние лапы встал. Двое бойцов погибли, только гранатой противотанковой его и взяли. Ну ладно, утро вечера мудренее.

– Егор проснись, – повысил голос Дед и тронул спящего за плечо.

– Извини командир, – встрепнулся тот, – устал немного.

– Ничего, сейчас все отдыхать будем. Бери Максима, я к тебе в отряд его определил, в твоих землянках вроде места есть?

– Найдём, – не задумываясь, ответил Егор.

– Завтра, – Дед взглянул на часы, – точнее сегодня, как рассветет, отправлю голубя в штаб. Как-никак гость у нас редкий, надо чтобы они в курсе были, может ты, им нужнее будешь, Максим. Завтра отдыхайте. Егор, вы переоденьте его в нашу одежду, можно баньку истопить, попариться, да и на стрельбище неплохо бы парня проверить – тебе теперь с ним в рейды ходить. Ну, ты сам знаешь, не впервой. Ладно, мужики, давайте спать.

Мы с Егором вышли из землянки, и при рассеянном лунном свете направились к землянкам на краю лагеря. Зайдя в одну из них, Егор чиркнул зажигалкой и показал мне

на свободные нары.

– Падай здесь, вот одеяло, – протянул он мне свёрток, – завтра, при свете разберемся, что к чему. А сейчас не будем шуметь, люди спят, – и он тихо вышел из землянки, притворив за собой дверь. Я на ощупь устроился на нарах и через пару минут уже крепко спал.

Утром меня разбудил негромкий разговор. Открыв глаза, я увидел, что в окна, расположенные под потолком проникает солнечный свет, а за столом сидит Егор и негромко беседует с двумя бойцами из своего отряда. Я сел и с удовольствием потянулся, несмотря на жёсткие нары, я неплохо выспался, сейчас бы умыться и чайку попить.

– Проснулся, – повернулся ко мне Егор, – как спалось?

– Нормально выспался, сейчас бы умыться.

– Пошли я покажу тебе наш умывальник и удобства, а потом в столовую пойдём на завтрак, – Егор поднялся из-за стола и направился к двери.

После завтрака мне выдали комплект солдатской формы времён Великой Отечественной, а после того как я переоделся, Егор повёл меня в отрядную оружейку. Поздоровавшись с находящимся там мужиком, весьма зрелого возраста, он обратился ко мне:

– Максим, вот твой пистолет, обойма полная, – протянул он «Макаров», – и вот запасная обойма. Кобура у тебя есть. Вот ППШ, запомни номер, вот здесь твоя ячейка будет. Патроны у нас навес золота, поэтому многие пользу-

ются арбалетом. Их наш кузнец делает, боеприпасы к ним можно несколько раз использовать и стреляет практически бесшумно. В общем, на тебе ещё арбалет со стрелами и пошли на стрельбище, попробуешь и огнестрел наш, и эту са-моделку, но для ППШ я тебе больше пары десятков патронов не дам портить. Да вот ещё нож боевой возьми, тоже Архипа работа. Метать ножи случайно не умеешь?

– Нет, не учил никто, – покачал я головой, – из пистолета стрелял, из «Калашникова» точнее АК 74, АКС74У, даже из пулемёта пробовал. Не снайпер, конечно, но на твёрдую четвёрочку стрелял.

– У нас только АК пятидесятых годов выпуска встречаются, но в основном на Востоке у нас в отряде всего один есть. Стрельба из ППШ немного отличается, но если ты из «ка-лаша» стрелял нормально, двадцати выстрелов тебе хватит чтобы к нему привыкнуть. А нож всегда с собой носи, в руко-пашной без него никак, да и от зверья отбиться можно. Ар-балет можешь тоже в оружейку не сдавать, в землянке хра-ни. Мои, обычно на стенку вешают над нарами, всегда под рукой. С него можешь стрелять хоть сколько, выбрал дерево потолще и вперёд, только не мажь, а то стрелы дольше искать будешь, чем стрелять.

Так за разговорами мы вышли за пределы лагеря минова-ли пост и пройдя ещё пару километров вышли к большой поляне. Остановившись на краю, и глянув на безоблачное небо, Егор быстро пересёк поляну, сказав мне оставаться

на месте. На той стороне было поваленное дерево с обломанными ветками. Он пошарил в кустах, вытащил с десятков старых консервных банок, поставил их на ствол и вернулся ко мне. Показал мне как готовить «Шпагина» к стрельбе, объяснил особенности его поведения и переведя переводчик огня на стрельбу одиночными предложил мне сбить банки. Первые три патрона ушли в молоко, точнее в дерево рядом с банками, но с четвёртого выстрела я приноровился и сбил все банки, промахнувшись всего один раз. Расстреляв все отмерянные Егором патроны, я собрал банки, положив их под тот же куст.

– Нормально с ППШ у тебя, получается, – сказал Егор, – давай с арбалетом разберёмся.

Он показал, как заряжать арбалет, как целится. Пару раз он выстрелил в толстое дерево. Потом, с трудом вытащил из него, специальной выдержкой, глубоко воткнувшиеся стальные стрелы. Затем он отдал арбалет мне и, вытащив из ближайших кустов деревянный щит, сколоченный из толстых досок, повесил его на дерево.

– Ну, пробуй, не торопись только. Эта техника тебе незнакома, – сказал он, подходя ко мне.

На щите было краской нарисовано несколько кругов разного диаметра образующие мишень. Я тщательно прицелился в самый маленький круг и плавно потянул за спусковой крючок. Скоба щёлкнула, арбалет дернулся, и стрела вонзилась в самый край щита, не попав ни в один нарисованный

круг.

– Не так ты делаешь, – взял у меня арбалет Егор, – это же не огнестрел. Здесь немного по-другому надо, порезвее как-то, и целясь немного выше мишени, его при выстреле вниз уводит. Смотри за моим пальцем.

Он резко дёрнул спуск, и стрела воткнулась прямо в центр мишени. Егор вернул мне арбалет и я зарядив новую стрелу попробовал выстрелить с учётом его рекомендаций. Моя стрела попала в край самого большого круга. Я зарядил следующую, и она воткнулась ещё ближе к центру. Расстреляв весь запас стрел, я подошёл к щиту и принялся выдёргивать из него стрелы. Это оказалось не так уж просто, некоторые насквозь прошили толстые доски. Если бы не выдержка я бы вообще ни одной не вытащил.

– Уже неплохо у тебя стало получаться, – приободрил меня Егор, – давай ещё разок отстреляй свой колчан, да пойдём в лагерь. Из арбалета можно и там тренироваться, деревьев много, у нас и мишень на одной из землянок имеется. Так что только не ленись, набивай руку.

Через некоторое время мы вернулись в лагерь, и, сдав автомат в оружейку, сразу прошли в столовую на обед. После которого Егор меня познакомил со своим отрядом. Я, конечно, запомнил лица бойцов за два дня пути, но первый день я прошёл практически на «автопилоте», да и на второй день я ещё был «подозрительным типом», неизвестно откуда свалившимся. А сейчас Егор представил меня как нового бойца

отряда, сказав, что я вполне прилично стреляю. Девушку – снайпера звали Оксана, это я запомнил твёрдо, потому что она была единственной девушкой в отряде. Мужиков, кроме Егора было семь человек, я, конечно, тоже постарался запомнить их имена, но думаю, что поначалу буду путаться. По крайней мере, троих с кем меня поселили в одной землянке, я запомнил наверняка. Егор с оставшейся мужской тройкой жил в соседней землянке, а Оксана жила с двумя девушками из других подразделений партизанского лагеря.

– Теперь нас пять полноценных пар, – в заключение сказал командир, – самое-то для дозора, да и в рейдах лишний ствол не помешает. Давайте сегодня отдыхайте, а завтра пойду к Деду получать задание. После завтрака ждёте меня в нашей землянке, или возле, если погода хорошая будет. Максим ты иди в оружейку и почисти свой автомат, да и пистолет заодно. Остальные все оружие после рейда почистили?

– Обижаешь Егор, – забасил здоровяк Степан, который помогал мне тащить железо, – с самого утра почистили, сразу после завтрака.

На следующий день, придя от Деда, Егор объявил, что мы выдвигаемся в дозор в определённый квадрат:

– Идите, получайте оружие и сух паёк на неделю. Будем сменять отряд Смирнова, через час все здесь в полной боевой и сразу выдвигаемся. Максим, ты наверно арбалет свой не бери, тебе ещё потренироваться надо.

Через час мы шли по лесной тропе, держа курс на За-

пад. Заночевали в лесу, а с утра продолжили путь и ближе к обеду вышли на секрет нужного нам отряда. Обменявшись паролями, мы сменили бойцов Смирнова, который оказался здоровым, немногословным мужиком, довольно мрачного вида, и они сразу двинули в сторону базы. Секреты располагались на вершинах небольших холмов поросших редким лесом, дальше начинались поля и равнина, лишь возле линии горизонта виднелись редкие деревья. Егор распределил нас по парам, мне в напарники досталась Оксана, и отправил нас по своим точкам. Бойцы уже не раз были здесь и поэтому уверенно разошлись в обе стороны, мы тоже пошли по редкому лесу, и примерно через пару километров вышли к небольшому навесу, обложенному сверху дёрном. Высота навеса позволяла под ним только сидеть или лежать, настолько он был низким.

– Здесь наш пост, – сказала девушка, – снимай рюкзак и в шалаш положи.

– Мы вон там, в ямке обычно дежури́м, – показала она рукой на небольшой, поросший травой окопчик на самом краю леса.

– А в шалаше в основном от самолётов прячемся или от дождя, если сильный.

Мы положили рюкзаки под навес, а сами расположились в окопчике и стали смотреть на расстилающееся перед нами поле. Вдалеке виднелась хорошо наезженная дорога, пересекающая поле почти посередине. Недалеко от дороги вид-

нелись развалины какой-то постройки. Больше на нашем участке ничего примечательного не было.

– Хочешь посмотреть, – протянула она мне свою винтовку, через прицел которой, осматривала наш сектор.

Я кивнул и бережно принял оружие. Через оптику смотреть было куда интереснее. Я рассмотрел развалины небольшого домика, край далёкого леса. Внезапно на дороге показался грузовик в камуфляжной расцветке, за ним поднимался шлейф дыма. Я навёл прицел и увидел, что в кабине сидят два человека в военной форме песчаного цвета. Кузов был закрыт тентом.

– Прикрой рукой сверху прицел, а то зайчик от солнца могут заметить, – быстро сказала Оксана.

– Это американцы? – протянул я ей винтовку, не отрывая взгляда от дороги.

– Да, они самые, – с ненавистью в голосе ответила она, не отрываясь от прицела.

Машина тем временем притормозила у развалин, водитель что-то крикнул, открыв дверь и из кузова стали выпрыгивать солдаты. Их было человек двадцать, они подошли к развалинам и стали справлять нужду, а потом опять загрузились, и машина поехала дальше, вскоре скрывшись из вида.

– А почему вы думаете, что беженцы именно здесь пойдут? – через некоторое время спросил я. – Граница американской зоны ведь очень длинная, невозможно её всю пере-

крыть, народу не хватит.

– Есть ещё другие отряды кроме нашего, – ответила девушка, – а вообще мы и не наблюдаем за всей границей. Здесь просто леса идут почти без разрывов до самой Европы, а в других местах одни голые равнины, спрятаться негде. Или дорог много проходит, или города разрушенные, где зверья разного развелось, или базы военные расположены, лаборатории всякие. Короче, где народу легче пройти и не нарваться, там наши посты и находятся. Да и наши люди есть везде, в том числе и на оккупированных территориях, они подсказывают людям, где лучше пройти к нам.

Некоторое время мы молча осматривали окрестности, но там больше ничего не происходило. Дорога оставалась пустая, лишь вдалеке пролетел большой, транспортный самолёт. Светило солнце, пели птицы, трещали в траве кузнечики. Сплошная идиллия, я уже начал клевать носом.

– Максим, – неожиданно нарушила тишину Оксана, – расскажи, как вы жили в твоём мире.

– В каком именно? Я в двух мирах жил и они совсем не похожи друг на друга.

– Нам здесь сидеть не меньше недели, пока нас сменят, так что времени много, можешь про всё рассказать. Мне очень интересно, да и время быстрее пройдёт.

Я начал свой рассказ с самого своего детства. Девушка очень внимательно меня слушала, иногда задавала вопросы, но больше молчала, задумчиво глядя на равнину. Так за раз-

говорами наступил вечер, стало темнеть. Она слезила под навес, и принесла наш паёк. Поели мы уже в полной темноте. Первым дежурил я и Оксана, оставив мне винтовку с оптикой, отправилась под навес спать. Через некоторое время из-за туч выкатилась луна, и стало значительно светлей. Ещё спустя полчаса, я услышал приближающиеся шаги, и, направив автомат в ту сторону, замер, боясь, пошевелится.

– Не стрелять, свои, – раздался тихий голос Егора, и он появился из-за ближайшего дерева. – Как у вас дела?

– Нормально всё, без происшествий, – облегчённо выдохнул я и опустил ствол.

– Оксана спит?

– Да, сейчас моя смена.

– Ну, добро, сейчас почти невидно ничего, так ты больше на слух напирай, – сказал он. – Примерно через час, полтора я назад пойду так, что смотри, не пристрели меня ненароком. Вообще америкосы по ночам редко шарятся, а в лес они и днём не любят соваться, так что сильно не напрягайся. Звери тоже летом редко нападают, тем более на краю леса.

Он ушёл, а я продолжил осматривать подлунный пейзаж, борясь со сном. Через некоторое время он прошёл мимо в обратном направлении. Как только он скрылся за деревьями, из под навеса появилась Оксана, а я отправился спать. Утром мы опять вдвоём наблюдали уже приевшийся пейзаж.

– А если, что-то случится из ряда вон, как мы сообщим на базу? – преодолевая дрему, спросил я. – Что-то я у Егора

голубей не видел.

— А что может такого произойти? Если на нас нападут американцы, база нам уже не поможет, — пожалв плечами, ответила девушка. — А если мы узнаем, что они проводят карательную операцию целью, которой является наша база, что почти нереально. У Егора имеется полевая рация настроенная на нашу волну, и до того как нас накроют ракетами он успеет предупредить наших. Но повторяю это маловероятно, так как они не суются в лес, предпочитая забрасывать ракетами все подозрительные места. Иногда засылают к нам лазутчиков с радиомаяками, для их обнаружения у нас есть сканер, их же производства. Захватили в прошлом году, когда машину с пеленгатором подорвали. Теперь проще, а раньше приходилось всех беженцев догола раздевать и всю одежду с лупой прощупывать.

Мы немного помолчали, а потом задумчиво глядя на дорогу, Оксана проговорила:

— Да повезло твоим мирам, люди там могут свободно жить, гулять по улицам, учиться, влюбляться. А мы вынуждены всё время прятаться, я, когда из леса на открытое место выхожу, у меня мурашки по коже начинают бегать. Думаю, и другие наши люди чувствуют себя также неуютно везде, кроме леса.

— Я ведь тоже недалеко от этих мест вышла к нашим, — ещё немного помолчав, продолжила она. — Семь лет уже прошло, а как будто вчера было. Я в основном по ночам шла, а днём

в кусты залазила и отсыпалась, даже в лесу боялась днём идти, только ягоды да грибы днём собирала. Ими в основном и питалась. Под конец уже еле ноги переставляла, сил совсем не было.

Глава 4

Я боялся проронить слово, чтобы не спугнуть накатившие на девушку воспоминания. Она жила с родителями в Белоруссии, в небольшом селе, на границе с РСФСР. Родилась она уже после ядерного удара и сколько себя помнит, родители с утра до вечера работали в поле на французского помещика. Она всё время проводила с бабушкой, помогая той по хозяйству. Когда ей исполнилось семь лет, она тоже стала ездить в поля и работала вместе с родителями. Бабушка вскоре умерла. Труд в основном был ручной, очень тяжёлый и дети порой падали без сил прямо в поле. Люди умирали рано, никто не доживал до старости. Живя в деревне, часто голодали, особенно зимой, так как подручные помещика, выгребали все продовольственные запасы. Родители как могли, оберегали своих детей. Но даже в таких тяжёлых условиях, люди иногда выкраивали время, чтобы собраться, пусть даже поздно вечером, отметить какой-нибудь праздник, попеть и поплясать под гармошку. Мама Оксаны хорошо пела, люди с удовольствием слушали народные песни в её исполнении. Природа наделила её удивительным голосом. Внешностью тоже не обидела, она была стройной красавицей, с тяжёлой русой косой до пояса. Когда Оксане исполнилось одиннадцать лет, у них объявился новый помещик, уже из немцев. Люди поговаривали, что француз проиграл

своё поместье в карты, естественно вместе с людьми. Новый барин был моложе, из западных немцев, говорили даже, что его отец погиб во Второй мировой войне где-то на просторах СССР. Может именно поэтому его сын ненавидел всех славян и не считал их за людей.

Однажды проезжая по селу на своём джипе в сопровождении многочисленной охраны, он увидел группу селян слушавших пение Оксаниной мамы. Был какой-то народный праздник, и люди после работы собрались на лужайке возле маленькой церкви. Немец подошёл и молча постоял в сторонке, а потом, сказав что-то своему управляющему, сел в машину и уехал. На следующий день с самого утра к ним домой пришёл староста и сказал, что с сегодняшнего дня вся их семья будет работать в барском поместье. Мама убираться в доме и стирать бельё, папа заниматься домашней скотиной и следить за садом, а Оксана должна была ухаживать за огородом, чтобы на столе всегда были свежие овощи. Делать нечего, люди были как рабы, у них не было никакого выбора. То есть выбор был: слушать приказания хозяина или умереть в какой-нибудь лаборатории, куда тебя за копейки продаст хозяин, или на какую-нибудь шахту. Спустя несколько дней, никогда серьёзно не болевший отец, не смог подняться утром. У него началась рвота, поднялась высокая температура и буквально за три дня он скончался. Похоронив его мать с дочерью, вновь принялись за работу в господском доме. Ещё через какое-то время мама вечером не вернулась домой.

Кое-как, дождавшись утра, Оксана бегом побежала в господский дом, но управляющий, отводя глаза, сказал, что женщина вечером ушла домой. Правда позже, чем обычно, так как у барина был гость, и ей пришлось задержаться. Теряясь в догадках, девочка пошла на огород, так как надо было поливать грядки. Через некоторое время она сбегала домой, но там никого не было. И только вечером вернувшись, домой она узнала трагическую новость. Соседские ребяташки, пойдя в лес по грибы, обнаружили её маму висящей на дереве, на окраине леса. На груди её женщины нашли записку, которую передали Оксане, в ней была всего одна строчка «Прости меня доченька». На похоронах, женщина работающая поваром у барина и постоянно подкармливающая Оксану, тихо шепнула ей:

– У барина в тот день был гость и он позвал твою маму, чтобы она им что-нибудь спела. Она не посмела им отказать, так как оба были пьяны в стельку. А потом они оба её изнасиловали. Барин ещё и хвастал, перед приятелем, что отравил её мужа и теперь она его игрушка.

У девочки потемнело в глазах, и она потеряла сознание. На следующий после похорон день она как обычно пришла на работу в барскую усадьбу. Проработав несколько дней, она дождалась, когда барина, напившегося до бесчувствия, его люди привезли в дом и занесли в спальню. Выждав ещё некоторое время, пока все успокоятся и лягут спать, она через задний ход прокралась в дом. Здесь она часто бывала,

помогая маме, поэтому без труда прокралась в покои барина. У него в спальне были решётки на окнах и массивная железная дверь. В глубине души, он побаивался загадочных славян и превратил свой дом в крепость. Проникнув в спальню, девушка увидела храпевшего на постели барина, на столе стояла едва початая бутылка шнапса, в открытом шкафу тоже поблёскивали пузатые бутылки.

Допившись до бессознательного состояния, барин не смог запереть дверь, ключ торчал в замке. Прикрыв за собой дверь, она принялась обливать постель вместе со спящим мужчиной крепким алкоголем. В один момент тот завозился, видимо почувствовав влагу и что-то замычал, поднимая голову от подушки, но девушка не дала ему этого сделать, со всей силы обрушив ему на голову тяжёлую бутылку. Тот затих, а девушка спокойно вылив всё найденное спиртное на постель, чиркнула зажигалкой, лежащей на столе, и когда взметнулось пламя, выскочила за дверь и замкнула её на ключ, который взяла с собой. Быстро покинув дом, через тот же выход, она через огород кинулась к забору и, отодвинув доску, оказалась за пределами усадьбы. Дальше она побежала к лесу, и лишь достигнув его, решила обернуться. Из окон второго этажа вырывалось пламя, постояв минуту, девушка повернулась и исчезла в темноте леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.